

История СССР за рубежом

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРЕДЫСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

Ю. И. КИРЬЯНОВ, М. Г. ПАНКРАТОВА

Изучение истории России начала XX в. уже в течение многих лет привлекает пристальное внимание исследователей самых различных политических убеждений во многих странах мира. В буржуазной историографии господствующие позиции и поныне занимает направление, отстаивающее точку зрения исключительности и случайности русского исторического процесса. Октябрьская революция для представителей этого направления — прежде всего результат «рокового» стечения обстоятельств, ошибок политических партий и отдельных лиц, причем в анализе и этих «обстоятельств», и этих «ошибок» игнорируется их существенная, внутренняя, исторически обусловленная закономерность.

В возникновении и формировании этой школы немалую роль сыграли русские либералы всех мастей. И политически, и психологически они не могли не доказывать, что царская Россия «в целом» шла по верному пути. В тех же случаях, когда пороки автократического строя проявлялись в особенно уродливой форме, на авансцену выступал аргумент, что это уродство непременно было бы «исправлено», если бы не помешали происки «радикалов», а затем война и революция. Еще в 1912 г. В. А. Маклаков, выступая на собрании московских избирателей, уверял, что «мирное обновление» страны сверху возможно и только рабочая партия своим «необузданным максимализмом... подрезает крылья народившейся свободе»¹. Откройте протоколы следственной комиссии Временного правительства и прочтите, что утверждал П. Н. Милюков 4 августа 1917 г.: единственный путь предотвращения революции — в реформах, единственная причина падения царизма — политическая слепота царя и дворян, не внявших предупреждениям либералов².

Среди проповедников этого взгляда в США особенно известен был М. Карпович, бывший кадет, дипломат Временного правительства в Вашингтоне, затем профессор Гарвардского университета и духовный наставник целого поколения американских русистов. «Россия перед революцией была неуклонно и быстро прогрессирующей страной, — писал он. — Учитывая этот прогресс, вряд ли правильно утверждать, что революция была абсолютно неизбежной. России еще предстояло решить много сложных и трудных проблем, но возможность их решения ни в коем случае не исключалась. По мере того, как страна становилась экономически более процветающей и культурно более передовой, эта возможность постоянно усиливалась и опасность насильственного переворота

¹ Газ. «Русское слово», 2(15) октября 1912 г.

² «Падение царского режима», т. VI, М. — Л., 1926, стр. 295, и далее; см. там же показания А. И. Гучкова, стр. 249 и след.

отдалялась. Этой надежде на мирную эволюцию война нанесла сокрушительный удар. Она захватила Россию в разгар процесса радикальной внутренней реорганизации. Конституционному эксперименту не было еще и десяти лет. Аграрное законодательство Столыпина существовало всего несколько лет. Схема всеобщего образования только начала осуществляться. Промышленное развитие, хотя и быстрое, находилось в начальной стадии. При таких условиях война должна была произвести серьезные потрясения во внутренней жизни страны. Требовались героические и согласованные усилия всей страны, чтобы империя могла перенести шторм. Непреодолимым препятствием для этих усилий явился политический кризис 1915—1917 гг. Война сделала революцию в высшей степени вероятной, но только человеческая глупость сделала ее неизбежной»³.

В соответствии с этой утвердившейся в американской историографии концепцией, одним из основных «виновников» революции был провозглашен Николай II. Немало страниц изданных в США исторических сочинений было посвящено подробному разбору личных качеств последнего русского царя, «образцового семьянина», но неспособного государственного деятеля. Николай II — «хороший человек, осужденный судьбой навлечь зло на свою страну»⁴, — такое или подобное утверждение можно встретить во многих работах по истории предреволюционной России. Создавалось представление, что будь царь хоть немного умнее, весь ход русской истории был бы иным. А вслед за царем, как известно, «вину» за революцию многие западные авторы пытались и пытаются свалить на славившуюся прогерманскими симпатиями царя, Распутина, «неудачливых» белых генералов и т. д. и т. п.

Буржуазные историки единодушно провозгласили, что выход страны из полосы вызванных царизмом революционных потрясений лежал единственно на пути буржуазных преобразований. По необходимости видное место среди сюжетов американской литературы по истории России начала XX в. заняла борьба русской буржуазии за участие в государственном управлении. Использовалась и используется поныне целая палитра розовых красок, когда речь заходит об «идеалах» буржуазных и мелкобуржуазных партий, и в особенности кадетов и меньшевиков. Правда, восторги несколько утихают при разборе деяний этих партий в критические месяцы 1917—1918 гг., но их прежние «заслуги» всячески превозносятся. Столыпинская реформа, оказывается, «служила интересам всех социальных групп»⁵; переселение крестьян в Сибирь «способствовало наступлению периода процветания»⁶; сам Столыпин еще совсем недавно был объявлен «спасителем» от надвигавшейся революции⁷. Равным образом преувеличивается значение «прогрессивного блока», возникшего в IV Государственной думе летом 1915 г. Этот блок изображается реальной силой, способной «спасти положение», вывести страну из ведущего к революции виража. Если бы только монархия не отказалась от протянутой ей «руки помощи», не потеряла еще оставшуюся возможность заключить союз с буржуазией, свой «последний шанс на спасение»!⁸

Для авторов, возвращающихся в круг этих идей, характерно поразительное невнимание к ряду важнейших социально-экономических проблем России начала XX в. Вопросы, связанные с положением трудящих-

³ М. Karpovich. Imperial Russia. 1801—1917, N. Y., 1932, p. 93—95.

⁴ J. W. Lawrence. A History of Russia, N. Y., 1960, p. 225.

⁵ M. T. Florinsky. Russia. A History and an Interpretation, v. II, N. Y., 1953, p. 1220; V. Maklakow. The Agrarian Problem in Russia Before the Revolution. «The Russian Review», January, 1950, v. 9, N 1, p. 6.

⁶ W. B. Walsh. Russia and the Soviet Union. Ann Arbor, Michigan, 1958, p. 342.

⁷ См. например, Leonid S. Strakhosky. The Statesmanship of Peter Stolypin: A Reappraisal. «The Slavonic and East European Review», June, 1959, v. XXVII, N 89.

⁸ «Journal of Modern History», March, 1960, v. XXXII, N 1.

ся, и в частности, пролетариата, с решением рабочего вопроса, долгое время вообще оставались вне поля их зрения. В общих курсах русской истории даже о тяжелом положении рабочих и их борьбе упоминалось лишь мимоходом или не упоминалось вовсе. Не стоило удивляться тому, что характерной чертой всех работ этого направления была узость источниковедческой базы, игнорирование исследований и публикаций, издававшихся в Советском Союзе.

В целом подобное положение является весьма характерным и для современной американской историографии. В книге известного русского меньшевика Р. Абрамовича, вышедшей в 1962 г. и получившей немало хвалебных отзывов в США, можно прочитать то же, что писал тридцать лет назад М. Карпович: «Если бы в Европе в течение еще одного или двух десятилетий был сохранен мир, Россия мирно эволюционировала бы по пути прогресса, демократизации и быстрого экономического роста... Но война 1914 года уничтожила все возможности такого развития»⁹.

И все же можно, по-видимому, сказать, что в самые последние годы наметился известный отход части американских историков от традиционных схем, призванных обосновать концепцию «случайности» социалистической революции в России. Решающую роль здесь сыграли экономические, культурные и научные достижения СССР после второй мировой войны, развитие и укрепление социалистической системы. Видимо, будет оправданным предположение о том, что некоторые представители нового поколения историков, выступившего на арену в 50-е годы, пусть вначале смутно, но почувствовали несостоятельность старого методологического подхода.¹⁰ Во всяком случае, на страницах американских журналов появились призывы более серьезно и глубоко изучать факты русской истории. «Быть может, настало время для новых точек зрения и интерпретаций, так же как и для новой информации, глубины проникновения...», — писал в 1960 году журнал «Russian Review»¹¹. Конечно, быстрое преодоление консервативной, крепко укоренившейся традиции, несущей определенную политическую нагрузку в идеологической программе правящих классов США, да еще в специфической обстановке 50-х годов, было нереальным. Поэтому на первых порах стали создаваться теории, в которых старая аргументация использовалась с оговорками, в модифицированном виде, а конечная цель — вывод о «случайности» революции — осталась неизменной. Характерным проявлением этой тенденции была книга Дональда Тредголда «Великое сибирское переселение». Тредголд перенес на историю России так называемую «теорию границ» Тернера, используемую в американской науке для объяснения истории США. В применении к России эта теория сводится к тому, что если бы царское правительство сумело использовать необжитые земли на востоке страны и хорошо организовать переселение крестьян в новые районы, то тем самым оно решило бы аграрный вопрос и предотвратило бы революцию¹².

По мере расширения тематики американских работ по истории России начали предприниматься попытки исследовать роль различных классов и партий в освободительном движении. В общих курсах, монографиях и статьях стали фигурировать в качестве объекта изучения рабочие и крестьяне. Но само исследование и вытекающие из него оцен-

⁹ R. Abramovitch. The Soviet Revolution. 1917—1937, N. Y., 1962, p. 6.

¹⁰ Тенденции отхода от консервативных схем в идеологии заметны среди известной части молодого поколения интеллигенции США вообще. См. Г. Аптекер. Некоторые тенденции в идеологической жизни США, «Проблемы мира и социализма», 1966, № 10, стр. 29—36.

¹¹ «Russian Review», 1960, v. 19, p. 206.

¹² D. Treadgold. The Great Siberian Migration; Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War, Princeton, 1957.

ки были еще крайне далеки от действительности. Решающая роль в революции по-прежнему отводилась интеллигенции, рабочий класс изображался как среда, восприимчивая для привнесенных извне идей, причем в первую очередь идей реформистского характера.

В получивших в американской прессе восторженные отзывы последних курсах русской истории Лоуренса, Кларксона, Пушкарева, Элиссона, в вышедшей не так давно книге советника государственного департамента А. Уолкина, в работах, посвященных отдельным вопросам истории рабочего класса, эта точка зрения является доминирующей¹³. Мы встречаемся с почти дословно повторяющимися утверждениями о том, что рабочий класс России еще не был собственно рабочим классом, что это были крестьяне, уходившие на заработки в город и возвращавшиеся при первом удобном случае обратно¹⁴. «Приток рабочей силы в промышленность был недостаточен из-за условий в деревне. Имевшиеся рабочие были неграмотны, беспокойны, непостоянны в своих привычках, часто пытались подавить чувство отчаяния и одиночества в алкогольных эксцессах, а в результате возникали абсентеизм, низкая производительность и возмущение против правил фабричной дисциплины», — пишет А. Гершенкрон в книге «Экономическая отсталость в исторической перспективе»¹⁵. Дж. Уолкин прямо заявляет, что накануне революции рабочие «в целом оставались примитивной и по существу анархической группой»¹⁶. «Настоящий пролетариат создавался в России лишь в относительно небольшой степени. Большей частью русский рабочий оставался крестьянином, все еще связанным с общиной, выполнявшим за счет своей заработной платы свои обязательства перед общиной и часто получавшим продовольствие от односельчан... Русский рабочий в большинстве случаев не был пролетарием, не говоря уже о том, что общее число рабочих было в любом случае незначительно по сравнению с огромным числом крестьян», — так обобщает эту точку зрения Кларксон¹⁷. Почти ни в одной работе мы не встретим прямого признания того факта, что в России существовали сложившиеся кадры промышленных рабочих¹⁸.

Таким образом, обратив внимание на историю русского рабочего класса, американские историки по-прежнему не хотят признавать его решающей революционной роли. Они односторонне характеризуют рабочий класс, подчеркивая элементы стихийности и затушевывая рост сознательности в рабочем движении, бездоказательно утверждая, что политические требования привносились в рабочее движение извне или вызывались самыми крайними репрессиями недальновидного царского правительства. Русское рабочее движение, согласно ходячим утверждениям этой литературы, легко можно было бы ввести в определенные легальные рамки по образцу Запада, если бы не... те же «самые неблагоприятные стечения обстоятельств», «недосмотры», «ошибки», на которых издавна зиждется концепция случайности революции!

¹³ J. W. Lawrence. A History of Russia. N. Y., 1960; J. Clarkson. A History of Russia, N. Y., 1961; J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia, N. Y., 1962; S. G. Pushkarev. The Emergence of Modern Russia 1801—1917, N. Y., 1963; H. J. Ellisson. A History of Russia, N. Y., Chicago. St.-Francisco, Toronto, London, 1964.

¹⁴ См. об этом Т. Д. Крупина, Д. А. Колесниченко, А. М. Соловьева. История рабочего класса и пролетарской борьбы в современной буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1965, № 3.

¹⁵ A. Gershenkron, Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays, Cambridge, Mass, 1962, p. 7.

¹⁶ J. Walkin. Op. cit., p. 146.

¹⁷ J. Clarkson. Op. cit., p. 407, 433.

¹⁸ Разве только Самуил Барон — автор книги о Г. В. Плеханове — мимоходом замечает, что рабочие, «сохранившие глубокие корни в деревне, во многих случаях с течением времени превращались в промышленных пролетариев» (S. H. Baron. Plekhanov. The Father of Russian Marxism, Stanford, 1963).

На фоне этой широко внедрившейся точки зрения, получившей за настойчивое стремление доказать возможность развития России по «западному», реформистскому пути название «стабилизационной», весьма интересна большая дискуссия, развернувшаяся между профессором Чикагского (ныне Колумбийского) университета Леопольдом Хаймсоном, профессором Мичиганского университета Артуром Менделем и профессором Вашингтонского университета Теодором фон Лауэ на страницах журнала «Slavic Review» в 1964—1965 гг.

Что представляют собой участники дискуссии?

Все трое занимают видное положение в американских исторических кругах. Все трое сравнительно молоды и вышли на арену «русских исследований» в начале 50-х годов, в период бурного роста интереса к русской истории в США. Книга Леопольда Хаймсона «Русские марксисты и возникновение большевизма» была опубликована в 1955 г., книга Артура Менделя «Дилеммы прогресса в царской России» — в 1961 г., серия статей и книга Теодора фон Лауэ¹⁹ — примерно в этот же промежуток времени.

В работах этих авторов есть один доминирующий вопрос: «Могла ли Россия избежать социалистической революции?». Но ответ на этот вопрос у них звучит неодинаково; более того, у каждого он претерпел с течением времени известные трансформации.

Еще в 50-е годы фон Лауэ выступил против традиционных утверждений о незакономерности русской революции. Он достаточно убедительно показывал тупик, в котором оказалось царское правительство на рубеже XIX и XX столетий, нарастание глубоких противоречий, разрушивших кажущуюся монолитность царской империи. По его мнению, Россию к революциям привело чрезмерное усиление налогового бремени, необходимое для быстрой индустриализации. Тем не менее, полагал он, если проводить индустриализацию умеренными темпами, не заботясь о том, чтобы встать в один ряд с развитыми промышленными державами, можно избежать социальных катаклизмов. Он фактически отстоял принципиальную возможность «стабилизации» социального развития, сомневаясь лишь в том, что события в России непременно должны были пойти тем же путем, что и на Западе. По мере того, как Лауэ охватывал все более широкий круг сюжетов, связанных с социально-экономическим развитием России XX в., он все более укреплялся во мнении, что для этой страны подобная «спокойная» индустриально-эволюционная линия развития не годилась. «Ясно, что в русских условиях западная модель с ее индустриальным и конституционным компонентами не могла быть полностью принята к осуществлению. России пришлось выбирать между свободной и мощью»²⁰, — писал он в своей последней книге. А. Мендель, анализируя «дилеммы прогресса в царской России», т. е. программы, предлагавшиеся различными политическими течениями, отвергает и народническое, и марксистское решения вопроса о судьбах страны. Гораздо больше по душе ему «легальный марксизм», близкий к ревизионизму английского образца и способный привести Россию к условиям «высоко развитой экономики» типа Англии и США, ког-

¹⁹ См. Theodore H. Von Laue. High Cost and the Gamble of the Witte System: a Chapter in the Industrialization of Russia, «Journal of Economic History», v. 13, N 4, 1953; его же. Die Revolution von aussen als erste «Phase» der Russischen Revolution. 1917, «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». IV, N 2, 1956; его же. Count Witte and the Russian Revolution of 1905, «American Slavic and East European Review», v. XVII, N 1, February, 1958; его же. Factory Inspection under the Witte system 1892—1903, «American Slavic and East European Review», v. XIX, N 3; его же. Russian Peasants in the Factory, 1892—1904. «Journal of Economic History», v. 21, N 1, 1961; Sergei Witte and the Industrialization of Russia, N. Y.—L., 1963.

²⁰ Theodore H. Von Laue. Sergei Witte and Industrialization of Russia, N. Y.—L., 1963, p. 306. Характеристику точки зрения Лауэ дал Э. Доннерт в сб. «Критика западногерманского «Остфоршунга»» (М., 1966, стр. 169).

да, по его мнению, сглаживаются все противоречия и отпадает необходимость резких коренных преобразований общества²¹.

Застрельщик дискуссии Леопольд Хаймсон в середине 1950-х годов отдал дань модной в буржуазной историографии концепции доминирующей роли отдельных личностей в историческом процессе, следующим образом описывая перспективы развития России в начале XX в.: «Ленин соревновался со временем: реализация его планов теперь полностью зависела от того, появится ли возможность развязать русские «стихийные» силы раньше, чем эти силы достигнут зрелости»²². Завуалированная таким образом мысль о том, что Октябрьская революция зависела только от того, «успеет» ли Ленин ее организовать прежде, чем начнут действовать результаты столыпинской реформы и Россия вступит на «западный» путь развития, вполне соответствовала духу всей гарвардской литературы (заметим, что Хаймсон сам был в прошлом учеником Карповича). Нисколько не обоснованная предыдущим изложением, эта мысль словно свидетельствовала об обязанности для гарвардского историка утверждения о случайности революции.

Взгляды Л. Хаймсона 60-х годов — это уже значительное изменение старых позиций. В вызвавшей дискуссию на страницах «*Slavic Review*» статье «Проблема социальной стабильности в городах России в 1905—1907 гг.»²³, он выступил как активный противник «стабилизационного» взгляда на русскую историю, отвергнув традиционное представление, что «во всех основных областях русской жизни между революцией 1905 г. и началом первой мировой войны происходил процесс политической и социальной стабилизации, который, если бы не чрезвычайные трудности, вызванные войной, спас бы Россию от революции, или, по крайней мере, от радикальных перемен, последовавших за завоеванием власти большевиками»²⁴. «Даже при отсутствии специфических дополнительных трудностей, вызванных войной, — писал Л. Хаймсон, — может быть, под непосредственным воздействием какого-либо другого чисто внутреннего кризиса Россия могла пережить радикальный переворот...»²⁵.

Близкую позицию к точке зрения Л. Хаймсона занял в дискуссии Т. фон Лауэ. Он писал по поводу спора о потенциальной жизнеспособности либерально-конституционного режима в дореволюционной России: «Этот спор не только разделяет западных ученых и их советских коллег, как отметил профессор Хаймсон, но делит также и американских ученых, хотя доказательств этого в их работах немного. Этот спор находится в том месте, где наука смешивается со всеми грязными вывертами идеологической пристрастности, личным честолюбием, путанной софистикой о свободе и историческом детерминизме, поспешными генерализациями, выведенными из ограниченных фактов, ошибочным идеализмом и эмигрантской ностальгией, которые в течение многих лет сливались с сюжетом». И в другом месте: «Перед 1914 г. царская Россия стояла перед двумя отдельными, даже противоположными кризисами. Стабильности существовавшего политического и социального порядка угрожала быстрота промышленного развития; социальное, политическое и духовное приспособление не могло идти в ногу. Это угрожало не только самодержавию, но и «либеральному» образованному об-

²¹ Arthur P. Mendel. *Dilemmas of Progress in Tsarist Russia*, N. Y., 1961.

²² Leopold Haimson. *The Russian Marxists and Origins of Bolshevism*, Cambridge, Mass., 1955, p. 218.

²³ Leopold Haimson. *The Problem of Social Stability in Urban Russia*. «*Slavic Review*», v. XXIII, N 4, December, 1964, p. 619—642; v. XXIV, N 1, March, 1965, p. 11—22, 47—56.

²⁴ «*Slavic Review*», December, 1964, p. 622.

²⁵ *Ibid.*, March, 1965, p. 17, 55.

шеству. Короче говоря, индустриализация шла слишком быстро. В то же время она, очевидно, не была настолько быстрой, чтобы обеспечить суверенность России в соревновании с великими державами... несмотря на все достижения, Россия не была в состоянии успешно вести войну... с Германией — даже с Германией, сдерживаемой Францией, Англией и Соединенными Штатами... Короче говоря, на каждом пути Россию ждал непреодолимый кризис. Если бы темп промышленного развития был медленнее и в результате внутренние противоречия меньше, внешний кризис усложнился бы. Если, с другой стороны, русская индустриализация двигалась бы на всех парах вперед ради сохранения суверенности России, внутренний взрыв тем самым ускорился бы. Можно только гадать, как русские либералы справились бы с этими проблемами»²⁶.

Защитником «стабилизационной» концепции в дискуссии выступил А. Мендель, считающий, что в предвоенные годы имело место «начало нового движения к конституционному правительству, дальнейший этап в развитии, начатом в 1905 г., а не предвосхищение Октября 1917 г.» Однако следует отметить, что и А. Мендель отошел от традиционной трактовки «стабилизационного взгляда», внося в него коррективы. «Действительно ли «некоторые», «многие» или «большинство» западных историков, которые якобы изображают Россию движущейся к «стабилизации», — пишет А. Мендель, — исключают рост итачек и возобновление борьбы против того, что осталось от самодержавия? Или, что более похоже на правду, западная точка зрения только не считает необходимым исходом продолжающегося конфликта победу большевистского типа? Но если западные историки сомневаются лишь в необходимости «завоевания власти большевиками», а не в продолжении и интенсификации борьбы трудящихся и «общества» за свои цели, то тогда противопоставление стабилизации и революции, как это делает Хаймсон, ошибочно»²⁷.

Эти высказывания участников дискуссии в «Slavic Review» свидетельствуют об известном брожении мыслей в среде послевоенного поколения американских историков, исследующих важнейшие проблемы истории России XX в. Уже из приведенных выше цитат видно, что наиболее радикальный отход от консервативных канонов наметился в позиции Л. Хаймсона, который продолжает разработку данных проблем. В апреле 1966 г., находясь в научной командировке в СССР, Л. Хаймсон сделал в Институте истории АН СССР доклад «Размышления по поводу историографии нового революционного подъема в России (1912—1914 гг.)». Доклад воспроизвел основные положения статьи, опубликованной в «Slavic Review», и подтвердил созданное статьей впечатление, что точка зрения Хаймсона во многом соприкасается с положением советской историографии и том, что Россия в период с 1901 по 1917 гг., несмотря на попытки царизма и буржуазии решить некоторые острые социально-экономические вопросы по западному образцу, находилась в полосе общей революционной ситуации — ситуации, чреватой революциями²⁸. Моменты схожести позиций американского ученого и советских историков были отмечены присутствовавшими на докладе сотрудниками Института истории. Вместе с тем советские исследователи высказали и ряд критических замечаний по докладу.

Что же представляет точка зрения Л. Хаймсона на революционный подъем в России 1912—1914 гг. в ее развернутом виде? Какова аргумен-

²⁶ «Slavic Review», March, 1965, p. 34—35, 45—46.

²⁷ Ibid., p. 25, 26, 47.

²⁸ В последнее время эта концепция в наиболее общем виде изложена в статье А. Я. Авреха «О некоторых вопросах революционной ситуации» («Вопросы истории КПСС», 1966, № 5, стр. 30—44), а также в брошюре П. В. Волобуева «В. И. Ленин об общих закономерностях Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1966, стр. 46 и др.).

тация американского историка? Какие возражения вызывают основные положения статьи и доклада у его соотечественников и советских историков?

Главный объект исследования Хаймсона — развитие накануне первой мировой войны в России двух параллельных революционных процессов — движения «низов» (т. е. пролетариата и крестьянства) и движения привилегированных, цензовых слоев общества. Мы прежде всего остановимся на той характеристике, которую Л. Хаймсон дает кризису «низов».

В отличие от многих исследователей Запада он признает наличие в России XX в. пролетариата (говорит о трансформации рабочих масс в рабочий класс), видит в пролетариате важнейшую силу освободительного движения, констатирует поляризацию «низов» и царизма, пишет о серьезном влиянии, которое оказало рабочее движение накануне войны на полевание «общества» (в частности, избирателей II-й городской курии). При этом, что чрезвычайно важно, Л. Хаймсон отмечает и поляризацию рабочего класса и «общества»²⁹. В этой связи весьма красноречиво заключение его доклада в Институте истории АН СССР: «Нужно в конце концов признать, что, несмотря на развитие оппозиции в среде цензовых элементов общества накануне войны, несмотря на полевание среди избирателей II городской курии, русские рабочие продолжали на базе сурового опыта чувствовать ту пропасть, которая отделяла их от представителей царского режима и от разных элементов цензового общества». Констатация этого факта не оставляет почвы для утверждений о развитии российского рабочего движения по пути реформизма, а ведь именно подобные утверждения были весьма характерны для американской историографии в прошлом.

Более того, обострение классовых конфликтов давало возможность революционным социал-демократам видеть за перспективой нараставшей революции нечто большее, чем просто буржуазно-демократический переворот. Поляризация пролетариата и «общества», наряду с такими факторами, как гегемония пролетариата в освободительном движении, использование в буржуазно-демократической революции чисто пролетарских средств борьбы, в частности, стачки, давали основание большевикам и В. И. Ленину ставить вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую еще тогда, когда буржуазно-демократическая революция в России не победила. Надо отдать должное проф. Л. Хаймсону в том, что в западной литературе он одним из первых, если не первый, обратил на это обстоятельство серьезное внимание и связал с ним некоторые свои положения, которые пошли вразрез с традиционными версиями западной историографии.

Отход от традиционной трактовки роли пролетариата в освободительном движении России сам по себе весьма примечателен. Однако на характеристике, которую Л. Хаймсон дает пролетариату России накануне первой мировой войны, во многом еще отразились старые представления американской историографии. Так, в числе причин революционного подъема накануне войны Хаймсон называет «примитивное стремление к бунту» рабочих, в среду которых влилось много крестьян (правда, под духом «бунтарства» рабочих он подчас понимает и их стремление к политическим выступлениям)³⁰. В этой связи американскому историку рисовалось «незрелым» (по крайней мере, в статье) и само движение, которое, по его мнению, являлось следствием недовольства скорее не классово сознательных рабочих, а крестьянских масс³¹.

²⁹ «Slavic Review», March, 1965, p. 54.

³⁰ Ibid., December, 1964, p. 636, 629; March, 1965, p. 16, 52.

³¹ Близкую к этой позиции по рассматриваемому вопросу занял в дискуссии и Т. фон Лауэ: «По-видимому, последствия быстрой индустриализации при Николае II выглядят следующим образом: крестьяне были грубо выброшены из своих деревень,

С характеристикой уровня сознательности и организованности рабочих России накануне войны, даваемой Л. Хаймсоном, нельзя согласиться. Как отметил после доклада Хаймсона в Институте истории Г. М. Деренковский, сравнительно скромные масштабы деятельности легальных рабочих организаций, относительно небольшой тираж рабочей печати и численность РСДРП отнюдь не свидетельствовали о «незрелости» рабочего движения, они объяснялись специфическими русскими условиями полицейского режима, репрессиями, преследованиями, о которых, кстати говоря, неоднократно упоминает сам Хаймсон. Вместе с тем материалы о рабочем движении, имеющиеся в советских публикациях, дают основание видеть пролетариат достаточно классово зрелым³². Эти материалы, а также данные, приводимые во многих работах советских авторов³³ и содержащиеся в тогдашних рабочих газетах, не дают оснований считать это движение выражением «примитивного стремления к бунту». Сборы средств на рабочую печать, на помощь бастующим рабочим, крупные забастовки солидарности, широкие выступления под революционными лозунгами в связи с годовщиной «кровавого воскресенья», ленского расстрела, 1 Мая и т. п., выступления, в которых принимали участие десятки, а нередко и сотни тысяч рабочих — не было ли все это доказательством классовой зрелости пролетарских масс накануне 1 мировой войны? Нельзя не прийти к выводу, что классовую сознательность пролетариата Л. Хаймсон понимает в духе меньшевиков, отождествлявших ее с реформистскими настроениями.

Важное место в работах Л. Хаймсона занимает вопрос о силе влияния политических течений в массовом рабочем движении накануне войны. Для западной литературы, как совершенно справедливо отмечает Хаймсон, характерно рассмотрение этого вопроса не с точки зрения отношения масс к политическим течениям, а с точки зрения соотношения сил в партийных верхах³⁴. Этот односторонний и гипертрофированный подход, открывающий двери для произвольных выводов об «изолированности» и «кризисе» большевизма накануне первой мировой войны, встре-

с которыми у них не было конфликта, сельским перенаселением и сельскохозяйственным застоём; они искали «побочных заработков» на фабриках и в городах, как последнего спасения. Для многих работавших в городах крестьян, городской наём лишь немногим отличался от безработицы. В своем новом окружении они чувствовали себя по большей части еще хуже, чем дома... на фабрике они без подготовки подчинялись новой дисциплине, которую не могли понять, ибо не могли понять далекий безличный контроль, который определял их работу и их заработки» («Slavic Review», March, 1965, p. 44—45).

³² См. напр., «Подъем рабочего движения перед I империалистической войной» (официальные сведения о забастовочном движении на предприятиях фабрично-заводской промышленности), «Красный архив» № 3(82), М., 1937, стр. 136—163; «Июльские волнения 1914 г. в Петербурге», «Июльские дни 1914 г. в Москве». Материалы и документы, «Пролетарская революция», 1924, № 7(30), стр. 181—223; «Из истории рабочего движения в годы революционного подъема. Резолюции и корреспонденции петербургских рабочих (1913—1914)», «Исторический архив», 1955; № 5, стр. 68—96; «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.», сб. док. и материалов, Л., 1958; «Из истории бакинского рабочего движения (1914 г.)», «Пролетарская революция», 1926, № 7(54), стр. 227—259; «Рабочее движение на Украине в годы нового революционного подъема. 1910—1914», Киев, 1959 и др.

³³ См. И. А. Меницкий. Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны, М., 1923; М. Балабанов. Рабочее движение в России в годы подъема 1912—1914 гг., Л., 1927; Б. Граве. Ликвидаторы и массовое рабочее движение, «История пролетариата СССР», сб. 5, М., 1931, стр. 3—52; О. Варенцова. Стачки и демонстрации 1912—1914 гг., М., 1933; А. К. Цветков-Просвещенский. Подъем рабочего движения в России 1912—1914 гг., М., 1939; Б. Фрейдлин. Массовое рабочее движение накануне империалистической войны, «История пролетариата СССР», сб. 2, М., 1934, стр. 39—67; Э. Э. Крузе. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М., 1961; Г. А. Арутюнов. Рабочее движение в Закавказье в период нового революционного подъема, М.—Баку, 1963; П. А. Лавров. Рабочее движение на Украине в 1913—1914 гг., Киев, 1957. Мы здесь указываем лишь наиболее общие работы; имеется также значительное число работ по отдельным районам.

³⁴ «Slavic Review», March, 1955, p. 50.

чается и поныне в работах многих западных историков. Л. Шапиро, например, на основании данных о формировании Августовского блока, появлении примиренцев среди большевиков (после Пражской конференции и особенно после раскола Думской фракции РСДРП), итогов голосования представителей различных течений РСДРП во время Брюссельской конференции в июле 1914 г. сделал заключение об усилении влияния реформизма и падении влияния большевиков среди рабочих России в 1914 г.³⁵ Отсюда по существу вытекала мысль о том, что, если бы не война, большевистская партия оказалась бы перед крахом. В дискуссии, организованной «Slavic Review», следы подобного подхода заметны у А. Менделя³⁶.

Л. Хаймсон отверг тезис о том, что русское рабочее движение приобретало в предвоенные годы «реформистскую и тред-юнионистскую ориентацию», отметив «предпочтение, которое рабочие оказывали по мере приближения войны большевистским призывам в сравнении с меньшевистскими»³⁷. Он указывает, что в августе 1913 г. меньшевики были вытеснены большевиками из правления Союза металлистов, в январе 1914 г. — из Столичного страхового присутствия, а в апреле 1914 г. получили лишь половину мест во вновь избранном правлении такой традиционной цитадели меньшевизма в Петербурге как Союз печатников. Л. Хаймсон ссылается также на статью В. И. Ленина «Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении» и «Доклад ЦК РСДРП и инструктивные указания делегации ЦК на Брюссельском совещании», где на основании различного рода данных делается заключение, что четыре пятых сознательных рабочих России шли за большевиками³⁸. Подтверждение своего вывода о неправильности точки зрения Шапиро, Гершенкрона и других авторов, утверждавших об усилении реформистских настроений в рабочем классе накануне войны, Л. Хаймсон находит и в меньшевистских источниках, в частности, в двух письмах Ю. О. Мартова. В письме к А. Н. Потресову от 11 ноября 1912 г. Мартов писал: «Неудача меньшевиков в рабочей курии (частично компенсированная их моральной победой в Петербурге) еще раз показывает, что меньшевизм слишком поздно обратил внимание на возрождающуюся опасность ленинизма и переоценил значение его временного полного исчезновения»³⁹. В письме к Булкину от января 1914 г. Мартов констатировал, что угроза большевизма для меньшевиков заключалась в сочувствии пролетариата большевизму, в тех корнях, которые он, без сомнения, пустил в рабочей массе⁴⁰. «Положение меньшевиков в двух столицах, — заключает Л. Хаймсон, — было намного хуже, а большевиков — намного лучше, чем где-либо еще в стране. Но даже с этой оговоркой положение меньшевиков давало им мало основания для утешений»⁴¹. «Приходится особенно подчеркнуть, — отметил американский историк в своем выступлении в Институте истории АН СССР, — совпадение представлений большевистской агитации о союзе рабочих и крестьян против государства и против элементов цензового общества (от Пуришкевича до Милюкова) с есте-

³⁵ Leonard Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union, N. Y., 1959, p. 139—140. Книга Л. Шапиро была подвергнута критическому разбору А. Ротштейном в статье, опубликованной в журнале «Marxism Today» (июнь 1960 г.), а затем переведенной журналом «История СССР» (1961, № 3).

³⁶ «Slavic Review», March, 1965, p. 27.

³⁷ Ibid., December, 1964, p. 629; March, 1965, p. 49.

³⁸ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 427—440; т. 25, стр. 244—250; стр. 361—405; 406—413.

³⁹ Письмо Ю. О. Мартова А. Н. Потресову от 11 ноября 1912 г., хранящееся в архиве Гуверовского института в США. Как отмечает Л. Хаймсон, в этом архиве хранится около 200 неопубликованных писем из переписки Ю. О. Мартова, оставшегося до амнистии 1913 г. в эмиграции, и А. Н. Потресова, жившего в это время в Петербурге («Slavic Review», December, 1964, p. 625).

⁴⁰ См. «Наша заря», СПб., 1914, № 3.

⁴¹ «Slavic Review», December, 1964, p. 632.

ственными инстинктами, настроениями и опытом русского рабочего класса тех лет».

«Процесс революционизирования и политизации рабочего класса, особенно в Петербурге, Москве и Центральном промышленном районе, является уже незадерживаемым в 1914 г.», — заявил далее проф. Хаймсон. Он добавил, что утвердился в этом мнении во время работы в архивах СССР (хотя о многом он догадывался на основании знакомства с материалами большевистских, меньшевистских и народнических газет). Процесс революционизирования и политизации коснулся самых широких рабочих масс, и поэтому, несмотря на аресты членов подпольных организаций, выступления рабочих достигли столь широких размеров. Таким образом, проф. Хаймсон фактически присоединяется к точке зрения советской историографии о преобладающем влиянии в 1912—1914 гг. большевиков среди сознательных рабочих столиц и центрального промышленного района (даже его оппонент А. Мендель вынужден был заметить, что «материал относительно увеличения силы большевиков в рабочем движении является лучшей частью очерка»).

Однако в объяснении причин большевизации масс у Л. Хаймсона нет четкости и ясности. Он приводит два различных объяснения успеха большевизма в 1912—1914 гг., даваемые большевиками и меньшевиками — современниками событий. Большевики считали, что революционные настроения рабочих являлись отражением роста сознательности пролетариата, ставшего более зрелым, потомственным, оправившегося после поражения революции и вместе с тем ожесточенного годами реакции. Меньшевики же объявляли рабочие массы, влившиеся в рабочее движение в годы индустриального подъема накануне войны (а пролетариат за период с 1910 по 1914 гг. увеличился с 1,8 млн. до 2,4 млн. человек, т. е. на 30%), классово менее сознательными, менее зрелыми, чем пролетариат 1905 г. В оправдание своего пессимизма лидеры меньшевиков утверждали, что промышленный пролетариат пополнился двумя новыми слоями: молодым поколением городских рабочих, «не имевшим опыта поражения революции» и не испытывавшим «отрезвляющего» влияния тред-юнионов, и многими тысячами бывших крестьян, не приспособленных еще полностью к новой жизни на фабрике и «движимых инстинктами и чувствами, а не сознательностью и расчетом» (Левицкий). Л. Хаймсон как будто склонен довериться меньшевистской аргументации: «Прилив бывших крестьян в города привел к поразительному подъему большевизма (так же, как и к относительно скромному, но заметному оживлению левонароднических тенденций среди рабочих)». Но учитывая, что наиболее значительные политические выступления рабочих имели место в таком промышленном центре как Петербург и в такой отрасли промышленности как металлообрабатывающая, американский историк пишет: «Поэтому мы по необходимости должны добавить следующий элемент, который полностью отсутствовал в большинстве тогдашних меньшевистских анализов: роль большевистских партийных кадров, как рабочих, так и интеллигентов... Не случайно, что многие главные фигуры большевистских кадров этого периода (назовем только нескольких: Ворошилов, Калинин, Киселев, Шотман) были рабочими с большим стажем работы в металлообрабатывающей промышленности»⁴².

Здесь налицо явное противоречие. Если признать, что наибольшую политическую активность накануне войны проявляли именно рабочие Петербурга и рабочие металлообрабатывающей промышленности, то утверждение о привнесении «радикализма» в пролетарскую среду крестьянскими массами рушится как карточный домик. Ведь в промышленности Петербурга и в металлообрабатывающем производстве доля квалифицированных рабочих была особенно значительна, а непосредствен-

⁴² «Slavic Review», December, 1964, p. 637.

ных выходцев из деревни — меньше, чем в других индустриальных центрах и отраслях производства. К тому же в 1906—1913 гг. по сравнению с предшествовавшим временем доля выходцев из крестьян здесь не только не увеличилась, но и уменьшилась⁴³. На это обстоятельство обратил внимание Л. Хаймсона проф. Л. М. Иванов. Нельзя также не учитывать, что активность крестьян в период столыпинских реформ (каковы бы ни были их настроения) была сравнительно небольшой⁴⁴.

Нам представляется, что источник революционного подъема пролетарских масс надо видеть не в притоке в промышленность крестьян, а в пробуждении к активной политической жизни средних и низших слоев рабочих, ранее стоявших вне ее. В условиях тяжелого экономического положения достаточно было такого толчка, как расстрел рабочих на Лене в апреле 1912 г., чтобы в настроениях масс произошел перелом от активного недовольства к решимости действовать.

Вместе с тем возникает вопрос, что же являлось основой революционных настроений широкой рабочей массы, а также потомственных кадровых пролетариев. На наш взгляд, в поисках ответа на этот вопрос следует пристальнее присмотреться к положению рабочих (не только политическому, но и экономическому). Энгельс писал, что «положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление... современных социальных бедствий»⁴⁵. Между тем этот момент совершенно выпал из поля зрения проф. Л. Хаймсона (хотя в той или иной степени на него обращают внимание и А. Мендель, и Т. фон Лауэ).

Суть дела в том, что в России накануне первой мировой войны, несмотря на промышленный подъем, экономическое положение рабочих ухудшилось. На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но если вдуматься, то обнаруживаются объективные причины «парадокса»: подготовка России к войне и усиление налогового пресса, сравнительный быстрый рост населения городов в связи с расширением предвоенного промышленного производства и заметным притоком в городскую промышленность крестьян, выброшенных из деревни столыпинской реформой. Следствием всего этого был рост цен на продовольствие, жилье. Вздорожание жизни в городах в какой-то степени было связано и с некоторым их благоустройством.

Об ухудшении положения рабочих в рассматриваемые годы свидетельствуют многочисленные факты. Годовая заработная плата рабочих фабрично-заводской промышленности по официальным данным с 1907—по 1913 гг. повысилась с 241,4 руб. до 263,6 руб.⁴⁶, т. е. на 11,4%. Между тем стоимость продуктов питания за это же время возросла на 14,4%, жилища (с водой и отоплением) — на 15,7%, а стоимость всего бюджетного набора — на 13,9%⁴⁷. Таким образом, реальная заработная плата в это время упала на 22%. В июне 1913 г. В. И. Ленин отмечал, что «угнетение громаднейшего большинства населения, не только пролета-

⁴³ См. А. Г. Рашин. Материалы СССР, т. 1. Перепись рабочих и служащих в 1929 г., М., 1930, стр. 18, 134—135, 138—139; см. подробнее Л. М. Иванов. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России, сб. «Рабочий класс и рабочее движение в России», М., 1966, стр. 121 и след.

⁴⁴ Н. А. Мальцев а. О количестве крестьянских выступлений в период столыпинской аграрной реформы. «История СССР», 1965, № 1, стр. 128—130; См. также «Бюллетень ЦК РСДРП» от 15 января 1914 г. («Исторический архив», 1960, № 4, стр. 206).

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 2, стр. 238.

⁴⁶ См. «Сводь отчетов фабричных инспекторов» за соответствующие годы. В рассматриваемое время в подсчет вошло 1,2—1,7 млн. чел.

⁴⁷ См. таблицу «Субиндексы бюджетного индекса» в кн. С. Г. Струмилина «История черной металлургии в СССР», М., 1954, стр. 515. Расчеты С. Г. Струмилина подтверждаются другими данными. Так, по данным журнала «Промышленность и торговля» цены на продукты в России поднялись с 1908 по 1913 гг. на 24% (см. В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 179).

риата, но и девяти десятых мелких производителей, особенно крестьян, обострилось в максимальной степени»⁴⁸.

При этом не следует забывать, что уровень жизни пролетариата в России был и без того низким. Достаточно сказать, что часовая оплата труда в Московском районе была почти в 3 раза ниже, чем в Англии, и в 5 раз ниже, чем в США⁴⁹. Как отмечал Витте, выступая 18 апреля 1912 г. при обсуждении страховых законов, годовая заработная плата рабочих в России была несравненно ниже, чем во многих других странах: если в России она составляла 250 руб., то в Англии — 550 руб., во Франции — 540 руб., в Германии — 450 руб., в Австрии — 340 руб.⁵⁰. Таким образом, источник революционных настроений и действий масс надо искать не в «исконно бунтарском духе крестьянства», а в достигших особой остроты противоречиях между потребностями и классовой сознательностью масс, с одной стороны, и ограниченными экономическими возможностями страны, опутанной полуфеодалными пережитками и вместе с тем несшей бремя подготовки к крупной войне,— с другой. С учетом этого фактора становится вполне понятной «быстрая перемена» в среде пролетариата под воздействием таких событий как «кровавое воскресенье» или ленский расстрел, когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, вырастает «миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата»⁵¹.

Характерно, что объяснение Л. Хаймсоном «радикализма» рабочих России накануне первой мировой войны не удовлетворило и его западных коллег. «Нужна ли нам,— пишет А. Мендель на страницах «Slavic Review»,— теория примитивного крестьянского радикализма, чтобы объяснить интенсивность стачечного движения? Если статистика Хаймсона относительно чрезвычайно быстрого роста городской рабочей силы в предвоенные годы правильна, тогда причины, вызванные огромным спросом населения на и без того недостаточные ресурсы жилья, топлива, продовольствия и услуг, дадут многое для объяснения растущего недовольства. Военные приготовления, обычное предвоенное паническое накопление товаров и общая предвоенная неопределенность могли усилить противоречия в месяцах, предшествовавшие июльским демонстрациям, проходившим всего за две недели до войны. Я не выдвигаю эти соображения, как объяснение демонстраций, так как я не изучал их. Однако наряду с другими, такие факторы, обычно связываемые с растущим недовольством рабочих, представляются более плодотворными, чем теории, основанные на утверждениях о крестьянской психологии». Тут же А. Мендель переходит к критике этих теорий: «...Допустим, что крестьяне были в те годы в особо озлобленном состоянии духа, когда прибывали в городские центры. Будет ли Л. Хаймсон утверждать, что они были более озлоблены, чем те, кто пришел на рынок рабочей силы из деревень в десятилетие, предшествовавшее 1905 г., те, кто имел за спиной голод и эпидемии в начале 1890-х годов и депрессию в конце, и кто выразил свое недовольство так сильно в 1902—1905 гг.?»⁵².

Рассмотрим теперь следующий важный аспект исследований Л. Хаймсона — анализ расхождений между цензовым обществом (которое он называет «верхами») и царским режимом. В основе этих расхождений, по мнению американского историка, лежала невозможность для либеральных кругов общества добиться сколько-нибудь значительных усту-

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 299—300.

⁴⁹ В. Яковлев. Бюджет русского рабочего. «Общественный врач», 1911, № 9, стр. 105.

⁵⁰ «Государственный совет. Стенографический отчет», сессия VII, 1911—1912 гг., СПб., 1912, стб. 3405, см. также В. Яковлев. Указ. соч., стр. 105.

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 263.

⁵² «Slavic Review», March, 1965, p. 31.

пок от правительства (феномен «пропадания» законопроектов в Государственной думе, Государственном совете и в самом правительстве). Хаймсон не согласен с теми западными исследователями, которые ведут начало конфликта между либеральной буржуазией и автократией лишь с военных лет, после поражений царизма на фронтах. Он отмечает, что этот конфликт достиг значительной остроты еще до войны, о чем свидетельствуют заявления даже наиболее умеренных представителей либеральных кругов как в Думе, так и в печати⁵³. Поляризацию основной массы привилегированного общества и царского режима Л. Хаймсон считает «важным источником развития революционных тенденций», который, по его мнению, существенно недооценивается как западными, так и советскими историками.

Нельзя не заметить, что здесь Л. Хаймсон впадает в преувеличение. Советская историография, как известно, признает оппозиционность «общества» самодержавию в предвоенные годы, но не считает, что эта оппозиционность приняла революционные формы. В самом деле, хотя Л. Хаймсон и пишет о том, что под влиянием роста рабочего движения и провалов попыток буржуазии сколотить большинство в Думе, происходит переход отдельных деятелей и групп буржуазных партий к ориентации на внедумскую борьбу, на оформление союза с более левыми элементами и течениями для осуществления обещаний Манифеста 17 октября 1905 г., что, более того, углубляется разрыв между настроениями общественности и тактикой лидеров буржуазных партий, он сам не приводит аргументов, которые бы свидетельствовали о борьбе «общества» с царизмом с целью свержения последнего. Точка зрения Хаймсона в данном вопросе не нова, она отражает буржуазно-либеральную концепцию Милюкова и других кадетских идеологов, которая затем была воспринята Мартовым и Плехановым. Согласно этой концепции, в России существовало два политических лагеря: консервативный, куда входили царь, дворянство, бюрократия, и революционный, в который зачислялась и буржуазия. Таким образом, претензии либеральной буржуазии на гегемонию в освободительном движении выдавались за действительность. Между тем либерально-буржуазный лагерь был самостоятельным, третьим, если и не смыкающимся с правительством, то, во всяком случае, никак не революционным.

Объясняя причины того, почему буржуазия России занимала позицию вне революционного лагеря, В. И. Ленин писал в 1912 г.: «Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и с старым помещичьим землевладением, и с старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя,— мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и антидемократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй. Вот отчего она стала контрреволюционной после пятого года и получила «местечко» в третьеиюньской системе»⁵⁴.

Наконец последний вопрос, на котором необходимо остановиться,— оценка Л. Хаймсоном ситуации, сложившейся в России накануне войны. Из всего вышесказанного эта оценка, в сущности, довольно ясна: крупнейшее стачечное движение, захватившее миллион с лишним рабочих, быстрая большевизация пролетарских масс, сочетание экономических и политических выступлений, «чудовищный» революционный взрыв пролетарских масс летом 1914 г., резкая поляризация рабочих и режима, а также «общества» и режима накануне войны. Однако Л. Хаймсон не счи-

⁵³ «Slavic Review», March, 1955, p. 2—3.

⁵⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 220; см. также, т. 11, стр. 198; т. 16, стр. 122.

тает возможным согласиться с утверждением советской историографии о наличии в России в июле 1914 г. «революционной ситуации» (в другом случае он оспаривает степень серьезности этой ситуации)⁵⁵.

Если отбросить замечания относительно того, что сами большевики сняли вопрос о продолжении политической стачки в июле 1914 г. еще до ее окончания (это обстоятельство никак не опровергает наличия революционной ситуации), то аргументация Л. Хаймсона сведется к следующему: отсутствие общенациональной забастовки (т. е. забастовки с участием «общества»), которую в это время не смог вызвать своей борьбой пролетариат (как скажем, в 1905 г.), было источником политической слабости освободительного движения вообще и пролетариата, в частности⁵⁶.

Но, во-первых, как совместить утверждение Л. Хаймсона о прогрессирующей поляризации «низов» и «общества» с ожиданием поддержки «обществом» пролетарской борьбы? Во-вторых, разве в начале 1917 г. имела место поддержка «обществом», выступавшим за продолжение войны до победного конца, борьбы масс за мир, хлеб, и свободу? А ведь тогда революционная ситуация переросла в революцию и царизм был свергнут. Не «атмосфера сочувствия», не симпатии буржуазии, а сила натиска играла решающую роль в борьбе. Еще в июне 1912 г. Ленин писал: «Рабочий авангард должен понимать, что основными условиями своевременного — т. е. победоносного — вооруженного восстания в России являются поддержка рабочего класса демократическим крестьянством и активное участие армии»⁵⁷. Эти условия были налицо в феврале 1917 г., но их не было в июле 1914 г. Характерно, что в листовке ПК РСДРП указывалось на эти же моменты: «Надо разбудить крестьян и нести свет революции в крестьянское войско. И только тогда мы дадим решительный бой царизму, когда сами найдем момент подходящим, когда соберем свои организации»⁵⁸. Следует также иметь в виду и гораздо меньшую в 1912—1914 гг. по сравнению с кануном Февральской революции 1917 г. дезорганизацию хозяйственной жизни страны и ее государственного аппарата.

Однако все это не снимает вопрос о складывании в это время в России революционной ситуации, которая предшествует революции, хотя и необязательно перерастает в нее, и признаки которой В. И. Ленин характеризовал следующим образом:

- (α) низы не хотят, верхи не могут
- (β) обострение бедствий
- (γ) экстраординарная активность»⁵⁹.

Характерно, что царизм, очень чутко реагировавший на проявления недовольства масс, накануне войны принял целый ряд мер, направленных на ослабление рабочего движения. Созданное еще в апреле — мае 1913 г. межведомственное совещание (в котором приняли участие представители министерств внутренних дел, юстиции, морского, военного, финансов, путей сообщения, императорского двора и уделов, торговли и промышленности) завершается представлением 9 июля 1914 г. в Совет министров «Записки» министра торговли и промышленности, предлагавшей, в частности, квалифицировать политические забастовки, как «преступление против государственного порядка», и в связи с этим усилить меры наказания за «возбуждение к таким забастовкам»⁶⁰. В связи со стачкой в Баку Горемыкин 28 июня 1914 г. представил царю доклад, в котором говорилось, что в ближайшем будущем стачка угрожает принять

⁵⁵ «Slavic Review», December, 1964, p. 623—624; March, 1965, p. 2.

⁵⁶ Ibid., March, 1965, p. 1, 2, 52.

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 345.

⁵⁸ См. «Листовки петербургских большевиков 1902—1917», т. II, Л., 1939, стр. 109.

⁵⁹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 379, 218.

⁶⁰ См. «Красный архив», 1929, № 3 (4), стр. 101—125; 1936, № 1 (74).

размеры «истинно государственного бедствия». Положение в Петербурге в связи с ширившимся рабочим движением обсуждал 11 июля 1914 г. Совет министров, предложивший министру внутренних дел принять срочные меры для подавления рабочего движения в столице⁶¹. Москва, сравнительно слабо охваченная стачечным движением в июле 1914 г. (здесь бастовало всего лишь несколько десятков тысяч рабочих), впервые после декабря 1905 г. была объявлена на положении чрезвычайной охраны.

Интересно, что один из западных оппонентов Л. Хаймсона А. Мендель замечает, что хотя Хаймсон «ставит под вопрос мнение советских историков о зрелости «революционной ситуации», многое в его собственной аргументации склоняется к этому взгляду»⁶².

В дискуссионной статье Л. Хаймсона имеется еще ряд спорных, а то и просто ошибочных положений. Так, ни в коей мере не соответствует действительности представление автора, будто Ленин и большевики уже в конце 1913 — первой половине 1914 г. призывали к перевороту типа Октябрьской революции⁶³. Вплоть до марта 1917 г. В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что перед революцией в России стоят задачи буржуазно-демократического характера, намеченные в программе-минимум РСДРП, но нерешенные в 1905—1907 гг.⁶⁴. В годы войны В. И. Ленин прямо писал, что в России социалистическая революция «непосредственно невозможна»⁶⁵. Вопрос же о том, что в начале XX в. освободительное движение в России переросло обычные рамки буржуазной революции, лежит, как было уже отмечено, в другой плоскости.

Заканчивая обзор дискуссии на страницах «Slavic Review» и выступления Л. Хаймсона в Институте истории АН СССР, необходимо еще раз подчеркнуть следующие важные моменты. Стремление американских историков найти предпосылки социалистической революции в условиях общественно-экономической жизни России еще предвоенного времени — явление бесспорно новое в американской историографии. Более серьезный, чем ранее, анализ рабочего движения и противоречий в русском обществе накануне первой мировой войны не замедлил принести плоды в виде целого ряда справедливых суждений и оценок. Это, конечно, относится в первую очередь к самому «застрельщику» дискуссии в журнале американских славистов — профессору Л. Хаймсону.

Однако нельзя не видеть и того, что груз старых представлений все еще тяжел. Этот груз прежде всего не дает возможности более объективно взглянуть на пролетариат России как на класс достаточно зрелый, организованный и сознательный, чтобы объединиться для решения своих классовых задач, переплетавшихся с назревшими в России задачами буржуазно-демократической революции, чтобы сыграть в освободительной борьбе самостоятельную и решающую роль. Россия в начале XX в. первой в мировой истории переживала великий национальный кризис с самостоятельным участием пролетарских масс, что и предопределило тот ход исторического процесса, который имел место в России в период с 1905 по 1917 гг.

Попытки западных историков понять это развитие, безусловно, заслуживают одобрения. Понятны те объективные трудности (не говоря уже о трудностях чисто политических), которые встают перед ними в исследовании проблем русистики и советики, — отсутствие достаточной документальной базы, легкая досягаемость литературы, дающей одностороннюю интерпретацию фактов, и труднодоступность другой. В известной

⁶¹ С. М. Л у р ь е. Июльские баррикады 1914 г., Л., 1939, стр. 80.

⁶² «Slavic Review», March, 1965, p. 23.

⁶³ Ibid., p. 17.

⁶⁴ См. «КПСС в резолюциях...», т. 1, М., 1953, изд. 7-е, стр. 323—324; В. И. Л е н и н. ПСС, т. 22, стр. 286; т. 27, стр. 80.

⁶⁵ В. И. Л е н и н. ПСС, т. 26, стр. 288.

мере нельзя не согласиться с Т. фон Лауэ, когда он жалуется на трудности понимания контекста исторического развития чужой страны. Тем не менее, нам представляется, что при наличии искреннего желания беспристрастно познакомиться со всей суммой существенных фактов, включая те, которые уже введены в употребление советскими историками, преодолеть эти трудности возможно. В этом смысле выступление Л. Хаймсона, поставившее вопрос о пересмотре некоторых традиционных и тенденциозных тезисов американской буржуазной историографии России XX века, весьма показательны.

